

И. Е. СУРИКОВ

ПРОБЛЕМЫ РАННЕГО
АФИНСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2004

ББК 67.3
С 90

Суриков И. Е.

С 90 Проблемы раннего афинского законодательства. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 144 с. — (Studia historica. Series minor).

ISBN 5-9551-0040-7

В книге рассматривается ряд вопросов, связанных со становлением законодательства и права в архаических Афинах, с созданием в одном из крупнейших древнегреческих полисов первых сводов письменных законов (VII–VI вв. до н.э.). Имена творцов этих сводов – Драконта и Солона – известны многим, однако исследование их деятельности всегда оказывается сопряжено со значительными трудностями. Причиной тому – и неудовлетворительное состояние источников, и слабая на сегодняшний день степень изученности общего исторического контекста столь ранней эпохи развития античного мира. Наибольшее внимание автора привлекает религиозный аспект раннего законодательства, которому уделялось особенно незначительное внимание в предшествующей историографии. Попутно рассматривается специфика самого феномена древнегреческого права, во многих своих чертах разительно расходящегося с нашими современными представлениями о правовых системах и комплексах.

Книга предназначена для специалистов – историков и юристов, для всех, интересующихся культурой и обществом античности.

ББК 67.3

В оформлении обложки использовано изображение головы коры с афинского Акрополя. VI в. до н.э..

Игорь Евгеньевич Суриков

ПРОБЛЕМЫ

РАННЕГО АФИНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки Сергея Жигалкина

Художественный консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 09.09.2004. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Усл. п. л. 3,65. Тираж 1000. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры». ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153). E-mail: Lrc@comtv.ru

ISBN 5-9551-0040-7

© И. Е. Суриков, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия

**«УСКОЛЬЗАЮЩИЙ ФЕНОМЕН»,
ИЛИ НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ
О ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ПРАВЕ 7**

Часть I

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДРАКОНТА

**ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ДРАКОНТА
И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ 27**

Часть II

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОЛОНА

**ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СОЛОНА:
РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ 55**

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 144

Вместо предисловия
«УСКОЛЬЗАЮЩИЙ ФЕНОМЕН»,
ИЛИ НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ
О ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ПРАВЕ

Наверное, каждый специалист-антиковед, которому приходилось сталкиваться в своей работе с теми или иными проблемами древнегреческого права, не мог не обратить внимания на парадоксальную коллизию двух обстоятельств. С одной стороны, никто не будет спорить с тем, что право Древней Эллады — культурный феномен мирового значения. Это — первое институциональное право в истории Европы. Оно входит неотъемлемым компонентом в систему непревзойденной по уровню культурного, творческого подъема античной греческой цивилизации, наследием которой в значительной мере и по сей день живем мы все. Древнегреческое право сыграло немало важную роль в оформлении права римского, что охотно признавали и сами римские авторы (Cic.De leg.II.59; Liv.III.31.8; Plin.Epist.VIII.24.4¹). Во многом под влиянием древнегреческого права сложилась правовая система Ви-

¹ Слова Плиния Младшего о Греции особенно известны, они стали просто-таки хрестоматийными: «Всегда помни, что это та земля, которая дала нам право и прислала законы, не по праву победы, а по нашей просьбе» (перевод А. И. Доватура).

зантийской империи², многие элементы которой, в свою очередь, впоследствии были перенесены в страны Восточной Европы, входившие в византийский культурный ареал, в том числе и на Русь³. Одним словом, можно с полной уверенностью говорить о том, что древнегреческое право заслуживает всестороннего внимания и изучения. Имена некоторых из греческих законодателей — Драконта, Солона и др. — известны ныне даже школьнику.

А с другой стороны, в реальной действительности состояние изученности права Древней Греции воистину плачевно. Лучше всего это можно увидеть, сопоставляя в данном отношении греческое право хотя бы с тем же римским. О последнем — огромное количество трудов самого разного характера: от многотомных компендиумов до кратких общих очерков, от статей по отдельным аспектам и проблемам, появляющихся в специальной периодике, до вузовских учебников. А что с древнегреческим правом? Мы не говорим здесь об отечественной историографии, в которой к его изучению почти еще вообще не приступали. Но даже и в западном антиковедении ситуация ненамного лучше. Со времен немецких ученых рубежа XIX—XX веков (Липсиуса, Каршtedта, Бузольта и др.), занимавшихся разнообразными проблемами публичного и частного права греческих полисов столь же скрупулезно, как и любой другой проблематикой, интерес исследователей к данному кругу вопросов не возрос, а, кажется, толь-

² В первые века своего существования Византия жила по нормам латинского Юстинианова *Corpus iuris civilis*. Однако со временем (особенно явной эта тенденция становится с IX в.) можно говорить «о замене латинского Юстинианова корпуса греческим корпусом законов» — греческим не только по языку, но и по духу. См.: *Медведев И. П.* Развитие правовой науки // *Культура Византии: вторая половина VII — XII в.* М., 1989. С. 227.

³ *Оболенский Д.* Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 333 слл.

ко уменьшился. Несколько монографических исследований, определенное количество статей... Нельзя, конечно, сказать, что древнегреческое право ныне — *terra incognita* в полном смысле слова. И тем не менее не оставляет ощущение, что оно — в своей целостности, как феномен, как культурное явление — известно нам далеко не в той мере, в какой оно того заслуживает.

Разумеется, дело не в субъективном желании или нежелании исследователей заниматься теми или иными проблемами (хотя и такого рода субъективные факторы тоже нельзя полностью сбрасывать со счетов: понятно, в частности, что антиковедам Запада просто в силу врожденных цивилизационных интенций римское право несравненно ближе, нежели греческое). Описанная ситуация обязана своему складыванию прежде всего причинам объективного характера. Каковы же эти причины, почему изучать право греческого мира значительно сложнее (и неблагодарнее), чем право Рима?

Прекрасно известно, каких вершин достигла римская юриспруденция. Право в Римском государстве прошло через ряд последовательных кодификаций, в течение всей своей истории (от децемвиров до Трибониана) подвергалось постоянной разработке и систематизации. Последнее привело, помимо прочего, к предельной отточенности категориального аппарата. Чего стоит хотя бы изощренное разграничение (едва ли не противопоставление) римскими юристами категорий собственности и владения в сфере имущественного права. Строго и четко отделялись друг от друга право вещное и обязательственное, частное и публичное, светское (*ius*) и сакральное (*fas*).

Ничего подобного не встречаем мы у греков. В первую очередь невозможно не упомянуть о проблемах и сложностях, возникающих в связи с намного худшей, чем в случае с Римом, целостности и сохранности греческих правовых памятников. Во вводной части любого учебника по

римскому праву обязательно есть глава, посвященная его источникам, где эти источники методично перечисляются и классифицируются: законы, сенатусконсульты, конституции императоров, эдикты магистратов, ответы юристов...⁴ Всё буквально «разложено по полочкам», всё приведено в единую и внятную систему. Из отдельных памятников, как из кирпичиков, складывается грандиозное здание *ius Romanum*. А в каком положении окажется специалист, которому доведется составлять аналогичный раздел для труда по древнегреческому праву? О каких источниках придется ему вести речь? Разрозненные, не объединенные никакой внутренней связью фрагменты законодательных памятников, относящиеся к самым разным эпохам и регионам эллинского мира, дошедшие частью в виде надписей, частью в форме цитат у позднейших авторов. Судебные речи ораторов, являющиеся, бесспорно, исключительно важными источниками по многим сторонам жизни греческого общества, но при этом насквозь проникнутые субъективностью и тенденциозностью, доходящими до прямого извращения фактов. Немалое количество пассажей на правовые и законодательные темы, разбросанных по произведениям писателей разнообразных жанров — от ранних историков и философов до лексикографов византийского времени. Нельзя сказать, чтобы весь этот материал был малым, недостаточным, не позволяющим составить представление о праве в греческих полисах. Но он, повторим, настолько несистематизирован и даже просто нерефлектирован, что является ввиду этого чрезвычайно трудным для изучения, предполагающего определенное обобщение фактов.

Дело здесь не только в том, что памятники древнегреческого права сохранились несравненно хуже, чем памят-

⁴ См. (чисто *exempli gratia*): Римское частное право: Учебник / Под ред. Новицкого И. Б., Перетерского И. С. М., 1997. С. 17—46.

ники римского. Играет свою роль также ряд принципиальных особенностей греческого права, в частности, действительно имевшая место недостаточная разработанность его положений. Обходиться без права греческое общество, конечно, не могло. Однако в течение всей истории древнегреческого мира (включая эпоху эллинизма) право оставалось явлением чисто эмпирическим. Практически никогда право в греческих полисах не становилось предметом теоретического анализа, да хотя бы просто полномасштабной систематизации. С полным основанием древнегреческое право было остроумно названо одним из современных исследователей «правом без юриспруденции»⁵.

В Греции, в отличие от Рима, не сложилась прослойка профессиональных юристов. Можно долго говорить о причинах подобного положения вещей⁶. Указывалось, помимо прочего, на доступность и простоту языка греческих законов, на широкое распространение грамотности во многих греческих полисах, на участие большинства граждан в судопроизводстве, на отсутствие у часто сменявшихся магистратов специальной правовой компетенции. Всё это вело к тому, что знание права было не сконцентрировано в кругу одной профессиональной группы, а как бы рассеяно по всему гражданскому коллективу.

Следует, однако, заметить, что вышеприведенные аргументы далеко не во всем убеждают. Во-первых, описанная ситуация характерна главным образом для демократических Афин классической эпохи. Но и в тех полисах, где не наблюдалось участия широкой массы граждан в дея-

⁵ Jones J. W. The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction. Oxf., 1956. P. V. Cp.: Saunders T. J. Penal Law and Family Law in Plato's Magnesia // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 115.

⁶ См., например: Harris E. Response to Trevor Saunders // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 133—138.

тельности судебных органов, положение с правом было точно таким же. Во-вторых, не столь уж велико, как может показаться на первый взгляд, отличие от римских реалий. И в Риме точно так же грамотность была широко распространена, и в Риме магистраты, ведавшие судопроизводством (преторы), ежегодно сменялись. В-третьих, вряд ли следует переоценивать знание законов и правовых норм рядовыми гражданами даже наиболее продвинутых в этом плане Афин. Даже в них право никогда не было предметом организованного, правильного преподавания (будь то преподавание государственное или частное). В результате дикасты (судьи-присяжные), укомплектовывавшие многочисленные афинские судебные коллегии, отнюдь не отличались хорошим знанием законов и судили больше по «гражданской совести»⁷. На наш взгляд, при оценке серьезных различий в отношении греков и римлян к праву следует не в последнюю очередь иметь в виду особенности цивилизационного менталитета тех и других⁸.

Как бы то ни было, упомянутая несистематизированность и даже, можно сказать, аморфность греческих правовых комплексов создает серьезные трудности для их исследователей⁹. Очень сложно (подчас просто невозмож-

⁷ Jones J. W. Op. cit. P. 11. Подробнее о пороках афинского судопроизводства и правосознания см.: Thür G. Die athenischen Geschworenengerichte — eine Sackgasse? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert V. Chr. Stuttgart, 1995. S. 321—331; Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // ДП. 1999. №2 (5). С. 34—41.

⁸ См. об этом нюансе проблемы: Суриков И. Е. Камень и глина: к сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М., 2000. С. 273—288.

⁹ О проблемах и сложностях, стоящих перед исследователями греческого права, см. в наиболее обобщенной форме: Wolff H. J.

но) проводить на греческой почве грань между правом сакральным и светским, публичным и частным¹⁰. В частности, убийство вплоть до последних веков истории греческого мира относилось отнюдь не к сфере наказуемых государством преступлений, а считалось по большому счету частным делом¹¹. Чрезвычайно слабо был разработан и категориальный аппарат права. Так, даже в наиболее «продвинутом» афинском праве не была развита правильная концепция собственности и не существовало, в сущности, даже адекватного термина для ее обозначения¹².

Удивляться всему этому не приходится, если учесть, что, по сути дела, в древнегреческом языке отсутствовало даже слово, которое можно было бы без существенных оговорок перевести как «право», иными словами, которое являлось бы эквивалентом римского термина *ius*. С наибольшей степенью приближения на эту роль могло бы претендовать греч. *δίκη*, что, впрочем, чаще переводится на русский язык как «справедливость». Однако не раз уже проводившийся анализ семантики слова *δίκη* показывает¹³, что в нем имплицитно заложена идея мировой гармо-

Juristische Gräzistik — Aufgaben, Probleme, Möglichkeiten // Symposium 1971. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 1—22.

¹⁰ Jones J. W. Op. cit. P. 32; Maffi A, Τὰ ἱερὰ καὶ τὰ ὄσια. Contributo allo studio della terminologia giuridico-sacrale greca // Symposium 1977. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1982. S. 23—53; Hansen M. H. Atimia in Consequence of Private Debts // Ibid. S. 113—120.

¹¹ Méléze Modrzejewski J. La sanction de l'homicide en droit grec et hellénistique // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 3—16.

¹² Cohen E. E. Banking as a “Family Business”: Legal Adaptations Affecting Wives and Slaves // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 255.

¹³ О понятии *δίκη* см.: Hirzel R. Themis, Dike und Verwandtes: Ein Beitrag zur Geschichte der Rechtsidee bei den Griechen. Lpz., 1907;

нии, порядка, равновесия, нарушение которого влечет за собой неминуемое возмездие. Справедливость в греческом понимании (δίκη) контролирует даже физическую вселенную, а отнюдь не регулирует столкновения индивидуальных волей¹⁴, как римское ius. Δίκη — это принцип упорядоченности, регулярности, баланса. Греки наблюдали эту регулярность в мире природных явлений, и вполне естественным для них было переносить ее также на человеческий социум.

Из вышесказанного, кстати, вытекает определенный «глобализм» древнегреческого правосознания. В сущности, любое правонарушение воспринималось во всей совокупности его космических импликаций. Даже незначительное отклонение от δίκη было, как считалось, чревато подрывом той самой мировой гармонии, наносило ущерб нормальным отношениям между людьми и сверхъестественными силами, в общем, угрожало не только непосредственно пострадавшим индивидам, но и всему обществу. В наиболее заостренной форме, даже с эсхатологическими нотками этот мотив звучит, конечно, у Гесиода¹⁵, но

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 303—305; *Суриков И. Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М., 2002. С. 40 слл. Нас здесь интересует не индоевропейская этимология термина, восходящего к основе *deik, а его актуальное словоупотребление в древнегреческой традиции. О специальном и вторичном употреблении термина δίκη для обозначения частного иска в отличие от ὑραφή — иска публичного — речь в данном случае тоже не идет.

¹⁴ Jones J. W. Op. cit. P. 4, 17, 24—36.

¹⁵ Hes. OpP. 238 sqq. (перевод В. В. Вересаева):

Кто же в надменности злой и в делах нечестивых коснеет,
Тем воздаст по заслугам владыка Кронид дальнзоркий.

Целому городу часто в ответе бывать приходилось
За человека, который грешит и творит беззаконье.

нет серьезных оснований полагать, что в данном вопросе воззрения беотийского аэда сильно отличались от общераспространенных. Если учитывать при этом общую весьма значительную роль религии в жизни греческих полисов (бывало, что эта роль недооценивалась, но теперь ей, кажется, начинают воздавать должное¹⁶), то окажется вполне естественным, что религиозные воззрения пронизывали собой всю структуру греческого права.

Вот с каким правовым комплексом приходится иметь дело: с правом несистематизированным, нерerefлектированным, обладающим неразвитым категориальным аппаратом, к тому же с правом, синкретически связанным с религией и этикой, не отделенным в достаточной мере от них. Так что же, речь идет о каком-то примитивном праве? Нам меньше всего хотелось бы, чтобы у читателя составилось такое представление. В некоторых своих областях древнегреческое право достигло весьма значительной степени разработанности. В первую очередь следует сказать в данной связи о процессуальном праве. Так, аттическое право, о котором современные исследователи ос-

Беды великие сводит им с неба владыка Кронион:
Голод совместно с чумой. Исчезают со света народы.
Женщины больше детей не рожают, и гибнут дома их
Предначертаньем владыки богов, олимпийского Зевса.
Или же губит у них он обильное войско, иль рушит
Стены у города, либо им в море суда потопляет.
Сами, цари, поразмыслите вы о возмездии этом.

¹⁶ *Sourvinou-Inwood Chr.* What is Polis Religion? // *The Greek City: From Homer to Alexander*. Oxf., 1991. P. 304, 322; *Polignac F. de.* Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State. Chicago, 1995. Passim; *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 309. Необходимо отметить, что первым в должной мере подчеркнул значение религии для всех сторон жизни античного полиса еще в XIX веке выдающийся французский ученый Н. Д. Фюстель де Куланж в классическом труде «Древняя гражданская община».